

Научная статья
УДК 930
doi: 10.17223/19988613/83/9

Сюжет о царе-старце как специфика провинциальной славянской ментальности в период модернизационного перехода

Михаил Сергеевич Путилин

Томский государственный университет, Томск, Россия, mish.put.1997@gmail.com

Аннотация. Анализируется процесс становления легенды о царе-старце в ее динамическом развитии. Акцент сделан на влиянии экономических процессов уникального временного периода великих реформ в России на провинциальную русскую ментальность. Приводятся доказательства того, что сюжет о царе-старце является синтезом двух социально-утопических легенд, воспринятых народной ментальностью. Делается вывод, что причинами известности этого сюжета являются его незаконченность как легенды об избавителе и удачное сочетание элементов, позволившее привести сюжет в соответствие потребностям ментальности провинциального общества в период экономического перехода.

Ключевые слова: модернизационный переход, социально-утопические легенды, история ментальностей, славянский мир, сюжет о царе-старце

Для цитирования: Путилин М.С. Сюжет о царе-старце как специфика провинциальной славянской ментальности в период модернизационного перехода // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 66–71. doi: 10.17223/19988613/83/9

Original article

The story of the Staret Tsar as a specificity of the provincial Slavic mentality in the period of modernization transition

Michael S. Putilin

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, mish.put.1997@gmail.com

Abstract. The reference to the story of the Staret Fyodor Kuzmich is due to the need to analyze the experience of transitional periods in the history of Russia in the connection with re-industrialization and other challenges of our time. The aim of the article is to propose author's own working hypothesis of the essence of the story about Staret Tsar as a dynamically developing phenomenon of the national mentality and to present its proofs. The achievement of this goal implies presentation of the main conclusions of the previous researchers and author's own analysis of the sources, which reflected the story of the Staret Tsar. The sources include clerical documents of the police investigation into the origins and spread of this legend, brochures from the periodical press, which published materials about the staret, and a short biography of Fyodor Kuzmich, written by the Tomsk merchant S. F. Khromov. The analysis of the sources allows distinguishing three periods of the spread of the story about Staret Tsar in folk representations. During the first period the Staret Tsar story had many characteristic functions of the legends of the "returning savior". The period of the tale of the Tsar Alexander I in the form of the legend about the "savior" lasted from the appearance of the staret Fyodor Kuzmich in 1837 in Siberia until his death in 1864. The emergence of this story is due to the mentality of the people, still waiting for the abolition of serfdom. During the second period, approximately between the death of the staret and the beginning of mass interest to his mystery in the mid-1880s, a legend independent of the "Alexander I" about a high-ranking person, who took the name of Fyodor Kuzmich with the blessing of Metropolitan Philaret, was being formed. This plot has common features with the hagiographies of holy starets, which were recorded in famous monasteries. The relevance of such plots was due to the difficulties of the transitional period in the country, which increased interest in the theme of spiritual quests. Finally, in the third period there was a synthesis, as a result of which religious elements came to the forefront in the story of the Staret Tsar, but the part of the story that remained from the legend of the "savior" also survived. This story has notable parallels with the story of the king of Montenegro, Stefan the Little, which also took place during the transition period associated with the processes of modernization. The differences in the elements of the story in various periods of its existence allow us to argue that the story of the Staret Tsar is essentially a modified legend of the "returning savior", which had changed due to the synthesis with the legend of the Tomsk circle of the staret admirers and the changes in the popular mentality associated with the processes of modernization transition in Russia.

Keywords: modernization transition, socio-utopian legends, history of mentalities, Slavic world, legend of the Staret Tsar

For citation: Putilin, M.S. (2023) The story of the Staret Tsar as a specificity of the provincial Slavic mentality in the period of modernization transition. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 83. pp. 66–71. doi: 10.17223/19988613/83/9

Модернизационный переход, пройденный Россией в XX в., без сомнения, был одним из самых тяжелых вызовов, с которыми сталкивались за всю историю славянские народы и Россия в частности как крупнейший из ныне существующих субъектов международного права, представляющих славянский мир. В условиях современности, когда первые политики ведущих стран говорят о необходимости реиндустриализации на основе новых технологических укладов, а руководство России приняло длительную программу развития в форме национальных проектов, особенно актуальными становятся исследования процессов и явлений народной ментальности, рожденных переходным периодом, поскольку они позволяют правильно построить необходимый в наших условиях диалог власти и общества. Одним из показательных явлений провинциальной русской ментальности в эпоху модернизационного перехода второй половины XIX в. является сюжет о царе-старце Александре I под именем Фёдора Кузьмича.

Цель данной статьи – раскрыть механизм развития сюжета о царе-старце в периоды его актуализации и предложить объяснение этих процессов.

Однако до недавнего времени историки неохотно брались за его изучение по причине трудностей типологизации этого сюжета и спорного характера его классификации как явления народных представлений и литературы. Поэтому большая часть материалов по данной теме до сих пор носит публицистический или даже тенденциозный характер. Основной вклад исторической науки в изучение нашей темы совершил советский исследователь К.В. Чистов, развивший на основе работ В.Я. Проппа собственную концепцию социально-утопических легенд о «возвращающемся избавителе» и их месте в русской народной ментальности. Именно он ввел устойчивый термин легенды об «избавителе» и наметил многие ключевые моменты для дальнейшего изучения социально-утопических легенд. В самом начале работы автором сделано важное замечание о неоднородности легенд о «возвращающихся избавителях» и их классификации: «Уже можно говорить о двух основных типах: религиозно-мессианских легендах о “спасителях” и легендах социально-политического характера о “возвращающихся царях (царевичах) – избавителях”» [1. С. 24]. Посвятив исследование преимущественно второму типу социально-утопических легенд, К.В. Чистов отметил, что легенды о «возвращающихся избавителях» являются самой сложной из разновидностей социально-утопического фольклора: «...социально-утопический идеал еще не воплощен в действительность, однако сила, которой предназначено реализовать это воплощение, – “избавитель” уже существует» [1. С. 16]. В связи с этим автор констатировал необходимость исследования комплекса данных легенд в будущем.

Особенность данного типа сюжетов состоит в том, что они, в отличие от других видов социально-утопи-

ческих легенд, осложнены тем, что основаны на рассказах о реально существовавших людях. Следовательно, это не совсем легенды, а образы реально существовавших людей, «обросшие» вымышленными подробностями и превратившиеся в легенду. Они начинают создаваться еще при жизни данных личностей, т.е. описывается действие в реальном времени и месте.

Большее внимание легенда о Фёдоре Кузьмиче получила со стороны филологов и богословов. Е.Б. Гайдукова рассмотрела историю этой легенды в литературе, подробно разобрав репрезентацию легенды о царе-старце русскими писателями Серебряного века и современными авторами [2]. Примененные Е.Б. Гайдуковой методы – структурно-типологический, сравнительно-сопоставительный и мотивный анализ, основанные на обращении к произведениям литературы Серебряного века и современным авторам, использующим в творчестве вариации на тему сюжета о царе-старце, позволили ей сделать важные выводы о том, что Фёдор Кузьмич для русского народа до сих пор является не только местнопочитаемым святым Томска, но и одним из символов православной России [2. С. 10], а также о связи сюжета о царе-старце с легендами о «возвращающемся избавителе» [3. С. 4]. М.М. Громыко в работе, посвященной богословскому аспекту сюжета о царе-старце, составила подробный список источников, отразивших легенду о Фёдоре Кузьмиче (подробно об этом см.: [4. С. 52–172]). Этот каталог представляет интерес для нашего исследования, однако собственный анализ автора, по нашему мнению, оказался недостаточно критичным в связи с исследовательскими задачами и направленностью работы. Все упоминаемые авторы сходятся в оценке легенды о царе-старце как уникального явления как в историческом, так и в литературном плане.

Среди выделенных М.М. Громыко источников наибольший интерес представляют делопроизводственные документы полицейского расследования истоков зарождения и распространения этой легенды [5]. Данное расследование проводилось в 1882 г., т.е. тогда, когда С.Ф. Хромов осуществлял деятельность по популяризации своих записей. Эти источники представляют большую ценность для исследования, так как отражают результаты попытки государственной власти установить с помощью всех доступных на местном уровне административных ресурсов истоки появления и распространения сюжета о царе-старце. Кроме того, это расследование проводилось непосредственно в период формирования и распространения легенды, следовательно, отразило период ее динамического развития.

Другим важным источником являются посвященные царю Фёдору и его тайне заметки и брошюры из периодической печати. В номере «Томских губернских ведомостей» за 1907 г. была помещена перепечатанная из журнала «Колокол» брошюра под названием «Загадочный старец» [6]. Эта брошюра, представляющая

собой пересказ сведений о старце и окружающей его легенде из «Сказания о жизни и подвигах великого раба Божия Фёдора Кузьмича...» Е.З. Захарова [7] и сочинения Н.С. Голицына [8], впервые была опубликована в 1898 г. [9]. Другие авторы местной печати, писавшие под псевдонимами, выдвинули гипотезу о связи старца Фёдора Кузьмича со старообрядческими сектами. Впервые эту гипотезу сформулировал З. Барш, автор заметки «Ссылнопоселенец Фёдор Кузьмич», опубликованной 1887 г. в «Сибирской газете». Автор заметки писал, что по России распространилось множество портретов старца, и один из них «служил иконой какому-то сектанту в Новгородской губернии» [10. С. 247]. Эту гипотезу продолжил развивать анонимный автор М-ич в «Заметке о скопцах» [11], опубликованной в «Восточном обозрении» в 1893 г. Он достаточно подробно описал, что скопцы увидели в Фёдоре Кузьмиче Александра I, принявшего их учение, считали его своим последователем и учителем и старались популяризовать его имя в своей среде.

Нельзя оставить в стороне и сочинение томского купца С.Ф. Хромова, основной источник, в котором описана легенда о царе-старце. Хромов довольно продолжительное время знал Фёдора Кузьмича, вел с ним духовные беседы и оказывал старцу посильную помощь. В сочинении под названием «Краткое жизнеописание...» [12] автор составил полный список сбывшихся позднее предсказаний Фёдора Кузьмича, сотворенных им чудес исцеления, а также слухов о царственном происхождении, связанных с тайной его личности. Это собрание записей С.Ф. Хромова, которые он вел с ноября 1852 г. до июля 1890 г., опубликованное в форме воспоминаний о старце. В соответствии с жанровыми особенностями «Краткого жизнеописания...», его следует классифицировать как мемуарный источник.

Источники позволяют уверенно говорить о трех периодах распространения сюжета о царе-старце в народных представлениях. В первый период сюжет о царе-старце обладал многими характерными функциями легенд о «возвращающемся избавителе», что было отмечено К.В. Чистовым, который на этом основании считал данный сюжет проявлением «несостоявшейся легенды об Александре I “избавителе”» [1. С. 202]. Это утверждение ученого далеко не бесосновательно. Знакомство сибиряков второй половины XIX в. с сюжетами и смыслами «избавительских» легенд подтверждает история скопческого проповедника Андрея Иванова, путешествовавшего под именем Кондратия Селиванова. Его считали чудесным образом спасшимся Петром III. В сочинении Н.В. Реутовского есть сведения, указывающие на его активную деятельность во время ссылки в Иркутск, где он пребывал с 1775 по 1797 г.: «О жизни Андрея Иванова в Иркутске официальных сведений не сохранилось. Но из “страдов” видно, что он не прекратил общения со своими последователями» [13. С. 120]. Сектантство и старообрядчество, широко распространенные в Сибири XIX в., не могли не сохранить память об этом пребывании «Петра Фёдоровича» в Сибири. Косвенным подтверждением этого являются указания авторов газетных заметок, сообщающие о том,

что некоторые видели в старце Фёдоре Петра III [14. С. 218] или о его связи с сектантством [10. С. 247]. Авторы газетных заметок, вероятно, основывали свои сообщения на слухах вокруг старца и его тайны, что распространялись в местах его жительства. Поэтому вполне закономерно, что появление в Сибири таинственного старца благообразного вида породило в ментальности народа, все еще ждавшего отмены крепостного права, еще одну легенду о «возвращающемся избавителе» в лице скрывающегося императора Александра I.

Период бытования сюжета о царе-старце Александре I в форме легенды об «избавителе» продолжался от появления старца Фёдора Кузьмича в 1837 г. в Сибири до его смерти в 1864 г. Именно эту легенду отражают делопроизводственные документы полицейского расследования, хранящиеся в ГАТО. В них отражены такие ключевые моменты легенды об «избавителе», как отождествление с Александром I (см.: [5. Л. 7]) и чудесное спасение законного правителя от заговора (см.: [5. Л. 7 об.]). Проведенный в рамках этого расследования допрос С.Ф. Хромова зафиксировал также возобновление интереса к тайне старца (см.: [5. Л. 1–2]), ознаменовавшее новый этап формирования данной легенды.

Во второй период, приблизительно между смертью старца и началом массового интереса к его тайне в середине 1880-х гг., формировалось совершенно независимое от «александровской» легенды предание о высокопоставленном лице, ушедшем в старчество под именем Фёдора Кузьмича с благословения митрополита Филарета. Это предание отражено в брошюре Е.З. Захарова «Сказание о жизни и подвигах великого раба Божия старца Фёдора Кузьмича» [7. С. 8] и в газетных заметках о старце. Данный сюжет имеет общие черты с житиями святых старцев, которые записывались в известных монастырях. Актуальность таких сюжетов была обусловлена сложностями переходного периода в стране. Середина и вторая половина XIX в. в России были эпохой целого комплекса процессов в экономической, политической, социальной структуре общества, которые в совокупности составляли явление модернизационного перехода. Этот переход не мог не отразиться в культурной сфере страны, однако в связи со спецификой модернизационных процессов в разных регионах империи он порождал и разные явления в культуре. Неслучайно именно на этот период пришлось расцвет духовных исканий российских интеллектуалов и возрождение массового интереса к институту православной церкви после столетнего упадка, начиная с упразднения патриаршества. Ярчайшим проявлением этих духовных исканий был рост влияния Оптиной пустыни в системе российского православия. Оптина пустынь с ее устойчивой и непрерывной традицией старчества [15. С. 53] была центром, куда обращались по вопросам веры и духовным делам многие представители Серебряного века русской культуры.

Наконец, в третий период произошел синтез: многие элементы, типичные для легенд об «избавителях», были удалены из сюжета о царе-старце при сознательном или бессознательном участии С.Ф. Хромова, составившего «Краткое жизнеописание...» и объявившего

этот источник собранием всех деталей данной легенды. В результате такого изменения на первый план в сюжете о царе-старце вышли религиозные элементы, составленные по образцу церковной житийной литературы. Однако легенда об «избавителе» не исчезла из сюжета полностью, остались намеки на тождество личности старца и Александра I, которые в изложении С.Ф. Хромова кажутся почти утверждениями, а также факты, это доказывающие: знания Фёдора Кузьмича, намного превышающие знания простого старика, его связи и влияние при дворе. Можно предположить, что С.Ф. Хромов интуитивно объединил все аспекты легенды, которые казались важными для простых почитателей старца: то, что он мог быть как помощником в земных делах, прошениям которого не отказывает верховная власть, так и заступником людей на небесах. Именно этот сюжет о царе-старце изложен С.Ф. Хромовым в его главном сочинении под названием «Краткое жизнеописание...» (подробно об этом см.: [12]) и впоследствии попал в отечественную литературу Серебряного века.

Причину такого развития сюжета о царе-старце следует искать в социально-экономической специфике периода «великих реформ» Александра II, обозначивших начало активной фазы процессов модернизационного перехода в России. Именно с реформами 1860-х гг. совпали второй и третий периоды актуализации сюжета о царе-старце. Характеристика процессов, начатых этими реформами, является предметом широкой научной дискуссии среди исследователей.

Б.Н. Миронов в своих работах характеризует пореформенную Российскую империю как страну, переживающую невиданный ранее экономический подъем и повышение общего уровня жизни. «Великие реформы по своему смыслу и содержанию подвели итоги прошлому и настоящему, извлекли уроки из опыта Австрии, Пруссии и других германских государств и создали возможность для постепенной трансформации страны в правовое государство с рыночной экономикой» [16. С. 414]. Однако в результате дискуссии с оппонентами Миронов смягчил свою позицию, признав вслед за большинством исследователей, что «уровень жизни большинства жителей России повышался, но медленно, неустойчиво, с откатами, оставаясь для значительной части населения Европейской части России (от трети и может быть выше) уровнем на грани нищеты и голода. Периодически часть крестьянства и городского населения оказывалась в ситуации голода – либо в случае недорода, либо – временной потери источников доходов» [17. С. 139]. Н.С. Розов, добавив к эмпирическим данным оригинальную социологическую теорию, определил социально-экономическую природу этого периода как «стагнацию», однако расширил это понятие собственными дополнениями и уточнениями: «Чтобы не заводить лишнего спора, максимально расширим содержание этого такта (вплоть до “Стабильности”), что не исключает временных улучшений, модернизации, административного, социального и технологического развития, но не ведет ни к явному государственному успеху (как при такте “Мобилизация”), ни к явному упадку (как при такте

“Кризис”))» [18. С. 153]. Таким образом, несмотря на существенные различия в оценках свидетельств различных источников, исследователи единодушны в том, что «великие реформы» Александра II затронули все слои населения и изменивших культурные запросы в стране.

Данные процессы имеют непосредственное отношение к формированию сюжета о царе-старце, так как именно они обусловили особенности легенды о Фёдоре Кузьмиче и те специфические изменения, которые позволили этому сюжету занять особое место в сфере народных представлений. Начинались они, естественно, с центральных областей. На окраинах же Российской империи, в том числе в Сибири, отражение модернизационного перехода в культуре имело свою специфику. Одним из проявлений осмысления процессов перехода в Томске и стал сюжет о царе-старце Александре I под именем Фёдора Кузьмича. Эта легенда была созвучна духовным исканиям столичной интеллигенции, однако отражала прежде всего духовные запросы, сформированные в народной ментальности переходного периода. Л.Н. Толстой неслучайно обратился именно к этому сюжету [19], когда сам пребывал в поисках духовности и спасения души вне контекста государства и церкви.

Подобные явления специфичны для сюжетов, связанных с ментальностью переходного периода, но не уникальны. Ещё в конце XVIII в. схожее развитие прошла легенда об избавителе в лице Петра III в подвластной туркам Черногории. К.В. Чистов вскользь упомянул об этом: «События, связанные с ним, чрезвычайно интересны, но изложение их увело бы нас далеко от нашей темы» [1. С. 140]. История этого самозванца, именовавшего себя исключительно Стефаном Малым, но и не отказывавшегося от народных отождествлений с царем Петром Фёдоровичем, поразительно похожа на историю Фёдора Кузьмича. Он тоже появился без какой-либо определенности о своем прошлом, вскоре привлек всеобщее внимание своими благородными манерами: «В августе–сентябре 1767 г. по окрестным селам разнеслась весть, что батрак из села Майне и не батрак вовсе, а русский царь Петр III. Впрочем, “царь” продолжал называть себя Степаном Малым, но не из-за малого роста. Может, потому что, по его собственным словам, он был “с добрыми добр”, иначе говоря, с простыми людьми прост (с малыми мал)?» [20. С. 185]. Вскоре эта история получила логическое продолжение: у черногорского самозванца появились почитатели и те, кто признали в нем бывшего русского императора, в том числе среди православного духовенства.

После признания в нем царя черногорским митрополитом Саввой, фактическим правителем Черногории, Стефан Малый начал активную деятельность, в основном направленную на установление в стране мира и прекращение кровной мести, а также на создание новой государственной администрации. Лавируя между интересами Венецианской республики, Османской империи и России, он долгое время смог поддерживать образ мудрого правителя в глазах черногорцев. Даже потеряв зрение в результате покушения, послед-

ние два года жизни он оставался общественным и духовным авторитетом в глазах черногорцев, которые навещали его в монастыре Брчели: «С ним советовались, к нему приезжали, он явно сохранял какие-то остатки бывшего авторитета. И венецианцы, и турки продолжали видеть в нем какую-то опасность; недаром наемные убийцы по-прежнему шныряли вокруг

его дома» [20. С. 190]. История Стефана Малого пришла на период строительства черногорской нации, которое допустимо рассматривать как часть процессов модернизационного перехода. Как и многочисленные параллели элементов сюжета, это указывает, что данные события родственны более поздней легенде о царе-старце.

Этапы формирования сюжета о царе-старце

I этап: 1840–1860-е гг.	II этап: 1860–1880-е гг.	III этап: 1880–1900-е гг.
Под именем Фёдора Кузьмича скрывался законный правитель – Пётр III, Александр I или великий князь Константин Павлович	Под именем Фёдора Кузьмича скрывался высокопоставленный деятель, возможно, принадлежавший к императорской фамилии	Под именем Фёдора Кузьмича скрывался ушедший в старчество Александр I
Его насильственно отстранили от власти и пытались убить	Его самоустранение от власти было добровольным, но тайным, с благословения церкви	Его самоустранение от власти было добровольным, возможно, с благословения церкви
Он чудесным образом спасся, возможно, с помощью самоотверженного доктора	Ему помогли высокие чины РПЦ в лице московского митрополита Филарета	У него не было никаких помощников
Он продолжает тайно влиять на политику государства через советы монарху и правительству	Он более не возвращался к своей светской власти и даже не любил вспоминать о ней	Он более не управлял государством, но охотно помогал своим почитателям прошениями к императору и правительству и делился подробностями о своем прошлом

Таким образом, в результате анализа источников были выявлены три этапа формирования легенды о царе-старце и описаны переходы от одного этапа к другому. Первый этап отражал стремление народа избавиться от крепостного права и представлял собой вариант сибирской легенды о «возвращающемся избавителе».

Второй этап сложился под влиянием сюжетов о святых старцах Оптиной пустыни и имел с ними некоторые общие черты. Он отражал потребность народа в опоре на базовые духовные ценности в период модернизационного перехода.

Третий этап представляет собой синтез предыдущих двух сюжетов, произошедший под влиянием за-

писок С.Ф. Хромова и рассказов почитателей старца (таблица).

Выявленные отличия элементов сюжета в различные периоды его бытования позволяют с уверенностью утверждать, что сюжет о царе-старце является, по сути, модифицированной легендой о «возвращающемся избавителе», которая изменилась вследствие синтеза с преданием томского кружка почитателей старца и перемен в народной ментальности, связанных с процессами модернизационного перехода в России. Подобные сюжеты на основе «избавительских» легенд являются проявлением ментальности переходного периода в странах славянского мира.

Список источников

- Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М.: Наука, 1967. 342 с.
- Гайдукова Е.Б. Цикл легенд о Феодоре Кузьмиче на рубеже XX–XXI вв.: проблема демифологизации сюжета // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 308. С. 7–10.
- Гайдукова Е.Б. Сюжет о царе-старце в русской литературной традиции (на материале корпуса текстов о праведнике Фёдоре Кузьмиче): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Красноярск, 2008. 215 с.
- Громыко М.М. Святой праведный Феодор Кузьмич – Александр I Благословенный: исследования и материалы к житию. М.: Паломник, 2007. 512 с.
- Государственный архив Томской области. Оп. 51. Д. 18. 1882 г. Рапорты, переписка с Томским губернатором о смерти старца Ф. Кузьмича, отождествляемого народом с Александром I.
- Загадочный старец // Томские губернские ведомости. 1907. № 72. С. 3–4.
- Захаров Е.З. Сказание о жизни и подвигах великого раба божия старца Феодора Кузьмича, подвизавшегося в пределах Томской губернии с 1837 года по 1864 год / [предисл. изд. Е. Захарова]. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Изд. Елисея и сына его Антона Захаровых, 1892. 54 с.
- Голицын Н.С. Народная легенда об Александре-отшельнике // Русская старина. 1880. Кн. 11. С. 742–744.
- Загадочный старец Феодор Козьмич, скончавшийся в Томске 20 января 1864 г. М.: Изд. Е.И. Коноваловой, 1898. 24 с.
- Барш З. Ссылно-поселенец Федор Кузьмич // Сибирская газета. 1887. № 7. С. 247.
- М-ич. Заметка о скопцах // Восточное обозрение. 1893. № 6. С. 9–10.
- Хромов С.Ф. Краткое жизнеописание великого старца Феодора Козьмича: из воспоминаний купца Семена Феофановича Хромова / под ред. В.П. Бойко, Е.В. Ситникова; авт. предисл. В.П. Бойко. Томск: Изд-во Том. гос. арх.-строит. ун-та, 2015. 251 с.
- Реутский Н.В. Люди божьи и скопцы: историческое исследование: (из достоверных источников и подлинных бумаг). М.: Тип. Грачева и К°, 1872. 229 с.
- Долгорукий В.А. Отшельник Александр (Федор) в Сибири // Русская Старина. 1887. № 10. С. 217–220.
- Запальский Г.М. Оптина пустынь и ее воспитанники в 1825–1917 годах. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 416 с.
- Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. 3-е изд., испр. СПб.: Дмитрий Буланин. Т. 1. 548 с.
- Шубин А.В. Спор о благосостоянии: система и голод // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2014. № 1 (5). С. 134–149.
- Розов Н.С. Продовольственный потенциал и ресурсный баланс в циклах русской истории: экосоциальные причины кризисов и революций // О причинах Русской революции / отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков. Изд. стереотип. М.: Изд-во ЛКИ, 2014. С. 140–157.
- Толстой Л.Н. Посмертные записки старца Феодора Кузьмича // Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. М.: Худож. лит., 1983. Т. 14. С. 359–377.
- Сто великих авантюристов / авт.-сост. И. А. Муромов. М.: Вече, 2004. 493 с.

References

1. Chistov, K.V. (1967) *Russkie narodnye sotsial'no-utopicheskie legendy XVII–XIX vv.* [Russian folk socio-utopian legends of the 17th–19th centuries]. Moscow: Nauka.
2. Gaydukova, E.B. (2008) Tsikl legend o Feodore Kuz'miche na rubezhe XX–XXI vv.: problema demifologizatsii syuzheta [A cycle of legends about Feodor Kuzmich at the turn of the 21st centuries: the problem of plot demythologization]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 308. pp. 7–10.
3. Gaydukova, E.B. (2008) *Syuzhet o tsare-startse v russkoy literaturnoy traditsii (na materiale korpusa tekstov o pravednike Fedore Kuz'miche)* [The Plot of the Elder-Tsar in the Russian Literary Tradition (Based on the Corpus of Texts on the Righteous Fyodor Kuzmich)]. Philology Cand. Diss. Krasnoyarsk.
4. Gromyko, M.M. (2007) *Svyatoy pravednyy Feodor Kuz'mich – Aleksandr I Blagoslovennyy: issledovaniya i materialy k zhitiyu* [The Holy Righteous Theodore Kuzmich – Alexander I the Blessed: Studies and Materials for Agiography]. Moscow: Palomnik.
5. The State Archive of Tomsk Region. List 51. File 18. 1882 g. *Raporty, perepiska s Tomskim gubernatorom o smerti startsa F. Kuz'micha, otozhdestvlyаемого narodom s Aleksandrom I* [Reports, correspondence with the Governor of Tomsk about the death of the elder F. Kuzmich, identified by the people with Alexander I].
6. *Tomskie gubernskie vedomosti*. (1907) Zagadochnyy startets [A mysterious old man]. 72. pp. 3–4.
7. Zakharov, E.Z. (1892) *Skazanie o zhizni i podvigakh velikogo raba bozhiya startsa Feodora Kuz'micha, podvizavshegosya v predelakh Tomskoy gubernii s 1837 goda po 1864 god* [The legend of the life and deeds of the great servant of God, Elder Feodor Kuzmich, who labored within the limits of the Tomsk province from 1837 to 1864]. 2nd ed. St. Petersburg: Elisey and his son, Anton Zakharov.
8. Golitsyn, N.S. (1880) Narodnaya legenda ob Aleksandre-otshel'nike [A folk legend about Alexander the Hermit]. *Russkaya starina*. 11. pp. 742–744.
9. Anon. (1898) *Zagadochnyy startets Feodor Koz'mich, skonchavshisya v Tomske 20 yanvarya 1864 g.* [The mysterious old man Feodor Kozmich, who died in Tomsk on January 20, 1864]. Moscow: E.I. Konovalova.
10. Barsh, Z. (1887) Ssyl'no-poselenets Fedor Kuz'mich [Exiled settler Fyodor Kuzmich]. *Sibirskaya gazeta*. 7. p. 4.
11. M-ich. (1893) Zametka o skoptsakh [A note about eunuchs]. *Vostochnoe obozrenie*. 6. pp. 9–10.
12. Khromov, S.F. (2015) *Kratkoe zhizneopisanie velikogo startsa Feodora Koz'micha: iz vospominaniy kuptsa Semena Feofanovicha Khromova* [A brief biography of the great old man Feodor Kozmich: From the memoirs of the merchant Semyon Feofanovich Khromov]. Tomsk: TSUAB.
13. Reutskiy, N.V. (1872) *Lyudi bozh'i i skoptsy: istoricheskoe issledovanie: (iz dostovernykh istochnikov i podlinnykh bumag)* [God's people and eunuchs: A historical research: (from reliable sources and original papers)]. Moscow: Grachev i Ko.
14. Dolgorukiy, V.A. (1887) Otshel'nik Aleksandr (Fedor) v Sibiri [Hermit Alexander (Fyodor) in Siberia]. *Russkaya starina*. 10. pp. 217–220.
15. Zapalskiy, G.M. (2009) *Optina pustyn' i ee vospitanniki v 1825–1917 godakh* [Optina Pustyn and its pupils in 1825–1917]. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi.
16. Mironov, B.N. (2003) *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): genesis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva* [Social history of Russia in the period of the empire 18th – early 20th century): the genesis of personality, democratic family, civil society and the rule of law]. 3rd ed. Vol. 1. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
17. Shubin, A.V. (2014) Spor o blagosostoyanii: sistema i golod [A welfare dispute: System and famine]. *Zhurnal rossiyskikh i vostochnoevropeyskikh istoricheskikh issledovaniy*. 1(5). pp. 134–149.
18. Rozov, N.S. (2014) Prodoval'stvennyy potentsial i resursnyy balans v tsiklakh russkoy istorii: ekosotsial'nye prichiny krizisov i revolyutsiy [Food potential and resource balance in the cycles of Russian history: Eco-social causes of crises and revolutions]. In: Grinin, L.E., Korotaev, A.V. & Malkov, S.Yu. (eds) *O prichinakh Russkoy revolyutsii* [On the causes of the Russian revolution]. Moscow: LKI. pp. 140–157.
19. Tolstoy, L.N. (1983) *Sobranie sochineniy: v 22 t.* [Collected Works: in 22 vols]. Vol. 14. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 359–377.
20. Muromov, I.A. (2004) *Sto velikikh avanturyistov* [One hundred great adventurers]. Moscow: Veche.

Сведения об авторе:

Путилин Михаил Сергеевич – аспирант кафедры российской истории факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: mish.put.1997@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Putilin Michael S. – Postgraduate Student of the Department of Russian History of the Faculty of Historical and Political Sciences of the Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mish.put.1997@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.10.2022; принята к публикации 22.05.2023

The article was submitted 26.10.2022; accepted for publication 22.05.2023